

RU

Мортальные мотивы стихотворения И. Бродского «Бессмертия у смерти не прошу...»

Богданова О. В., Баранова Т. Н.

Аннотация. Статья посвящена анализу стихотворения Иосифа Бродского «Бессмертия у смерти не прошу...» (1961), прежде не подвергавшегося детальному филологическому анализу, ряд образов и мотивов которого вызывают разночтения. Исследование предпринято с целью осмыслить роль темы и мотива смерти в формировании поэтического мира раннего стихотворения Бродского и наметить их динамику в более поздних текстах поэта. Авторы работы дифференцируют синхронический и диахронический подходы в восприятии текста «Бессмертия у смерти не прошу...» и выявляют константы художественного мировосприятия лирического героя, alter ego автора. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые расшифрованы «темные места», вызвавшие у критики серьезные трудности (образы «розового угла» и «раздавленного паука»), и акцентированы условия возникновения в текстах Бродского сквозных для всего творчества образов и мотивов смерти, времени, бессмертия. В результате доказано, что импульс философического настроения лирического героя и в целом поэтического мира стихов Бродского в значительной мере связан с ранним смертельным диагнозом - «порок сердца» и последующим психофизическим состоянием поэта.

EN

The Mortal Motives of the Poem “I Do Not Ask for Immortality from Death...” by J. Brodsky

Bogdanova O. V., Baranova T. N.

Abstract. The article is devoted to the analysis of Joseph Brodsky's poem “I Do Not Ask for Immortality from Death...” (1961), which has not previously been subjected to a detailed philological analysis, a number of images and motives of which cause discrepancies. The research is undertaken in order to comprehend the role of the theme and motives of death in the formation of the poetic world of this early poem and later poetic texts by Brodsky. The authors differentiate the synchronic and diachronic approaches to the perception of the text of the poem “I Do Not Ask for Immortality from Death...” and identify the constants of the artistic perception of the lyrical hero, the author's alter ego at different stages of the poet's work. The scientific novelty of the study consists in the fact that for the first time it deciphered the unclarity that caused serious difficulties for critics (the images of the “pink corner” and the “crushed spider”) and emphasized the conditions for the emergence of images of death, time, and immortality in Brodsky's texts that are cross-cutting for all creativity. As a result, it has been proved that the nature of the philosophical mood of the lyrical hero and the poetic world of Brodsky's poems as a whole is largely related to his psychophysical state, an early fatal diagnosis - “heart defect”.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выработки верного понимания стихотворения И. Бродского «Бессмертия у смерти не прошу...» (1961), значительно искаженного интерпретациями критиков, ранее касавшихся его в своих анализах.

Для осмысления особенностей поэтологического уровня стихотворения и выявления мировоззренческой позиции автора необходимо решить следующие задачи: во-первых, обратиться к историко-культурной ситуации, в рамках которой было создано стихотворение И. Бродского, и рассмотреть, как внешние факторы (в том числе медицинский диагноз) повлияли на творческий замысел художника; во-вторых, выявить поэтологические особенности стихотворного текста, определить его образно-семантическое поле, наметить мотивно-образные доминанты; в-третьих, рассмотреть интертекстуальные переключки, эксплицированные в тексте, и квалифицировать их влияние на смысловые константы стихотворения.

Для осуществления поставленных задач используются следующие методы исследования: историко-литературный, типологический и поэтологический в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия поэтического мира И. Бродского.

Материалом исследования послужили поэтическое творчество И. Бродского, в частности его стихотворения «Бессмертия у смерти не прошу...» (1961) и «Мои слова, я думаю, умрут...» (1963) (Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. СПб.: Пушкинский фонд, 1998), а также интервью поэта и воспоминания его друзей, собранные в двухтомнике В. Полухиной (Полухина В. Бродский глазами современников: в 2-х кн. СПб.: Звезда, 2006. Кн. 2). В качестве материала привлекаются также строки А. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (Пушкин А. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Наука, 1977. Т. 3) и А. Блока «О, весна без конца и без краю...» (Блок А. Избранное. М.: АСТ; Олимп, 1996).

Теоретической базой работы послужили труды по истории современной русской литературы и вопросам своеобразия поэтического текста И. Бродского (Гордин, 2010; Лосев, 2008; Полухина, 2006; 2008; Куллэ, 1996; Богданова, Власова, 2022; Плеханова, 2002; Колобаева, 2014; Степанов, 2022; Милойкович, 2019).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении современной русской литературы и поэтического наследия И. Бродского, могут быть включены в общие и специальные курсы по истории русской литературы XX и XXI веков в вузовском и школьном преподавании.

Основная часть

Историко-культурные истоки стихотворения «Бессмертия у смерти не прошу...»

В бродсковедении едва ли не общим местом стало утверждение, что одной из центральных тем поэтического творчества Иосифа Бродского является тема смерти. Так, Л. Лосев (2008) признает: «На протяжении всей своей взрослой жизни Бродский писал стихи в осязаемом присутствии смерти» (с. 268).

В исследовании моральной тематики стихов И. Бродского критики эксплицируют их философское наполнение, присутствием темы смерти мотивируют онтологические ракурсы поэзии, через мотив смерти выходят на экзистенциальные глубины поэзии Бродского. Нельзя оспорить подобные суждения, однако возникают вопросы: когда рождается тема смерти в творчестве поэта, как она репрезентируется и какую динамику переживает? Ответы на эти вопросы позволят глубже проникнуть в (гипер)текст Бродского, тоньше осознать нюансы его поэтического мира.

Показательно в этом плане стихотворение И. Бродского «Бессмертия у смерти не прошу...».

Стихотворение «Бессмертия у смерти не прошу...» специалистами относится к числу ранних, очень ранних стихотворений поэта – на момент его написания автору было чуть больше двадцати. В издании «Сочинения Иосифа Бродского» текст датируется 1961 годом – «1961(?)» (Бродский, 1998, с. 137). Исследователь С. И. Кормилов (2021) полагает, что стихотворение было написано «в 1961, может быть, в 1962 г.» (с. 121). На наш взгляд, текст мог быть создан и чуть ранее, однако к уточнению этого вопроса вернемся несколько позже.

Обращаясь к анализу стихотворения «Бессмертия у смерти не прошу...», исследователи, как правило, воспринимают текст И. Бродского с позиции синхронии, условно – с точки зрения сегодняшнего дня, относясь к моральному тексту как к произведению уже зрелого мастера, признанного поэта, нобелевского лауреата. Отсюда весьма обширные и по-своему абстрактные рассуждения о теме смерти, выход на положения достаточно общие, почти универсальные. Между тем автор стихотворения «Бессмертия у смерти не прошу...» был очень молод. Потому можно предположить, что его интенции не носили характера философской универсалии, они были, скорее, жизненными и весьма конкретными.

Как свидетельствуют родные и друзья И. Бродского, «в конце 1960 года» ему был поставлен тяжелый диагноз – «порок сердца» (Полухина, 2008, с. 44). Тогда же молодой человек «получил освобождение от военной службы по ст. 8 “в”, 30 “в”» (Полухина, 2008, с. 65). В письме Евг. Рейну (2005) от 16 июня 1961 года он размышлял о продолжительности жизни: «Хиромант и некрещеный человек М. К. посулил мне безбедное существование до 55 лет» (с. 203) (NB: обращение к хироманту симптоматично). Среди неопубликованных стихов 1960 года значится «Эпитафия» (Полухина, 2008, с. 45).

Приведенные факты (которых, несомненно, значительно больше) свидетельствуют о том, что болезнь сердца, которая мучила молодого человека давно, в конце 1960 года обрела для него статус официального диагноза, была медицински поименована, получила субстанциальные черты и, следовательно, обрела (почти) антропоморфную сущность. У Бродского-поэта появился еще один собеседник – смерть. А с образом смерти в его жизнь (физическую и поэтическую) вошло и понятие времени (как изводы времени – вечность, бессмертие, инобытие и др.). Не столько ментальная геометрия, сколько житейская (= онтологическая) реальность подталкивала юного Бродского к мыслям о смерти и бессмертии, о времени и вечности, о жизни и ее продолжительности, становилась условием появления этих (и смежных) мотивов в его творчестве. Философский потенциал поэзии Бродского зиждился на переживаниях реальной жизни, носил весьма эмпирический характер. Именно поэтому дату написания стихотворения можно сместить с 1961 года (если так – то на самое его начало) на 1960-й, но никак не на 1962-й. С этих позиций и попытаемся взглянуть на стихотворение Бродского «Бессмертия у смерти не прошу...» и понять его внутритекстовые смыслы (и образы).

Образ лирического героя стихотворения, *alter ego* автора

В стихотворении «Бессмертия у смерти не прошу...» лирический герой – молодой человек «испуганный, возлюбленный и нищий» (Бродский, 1998, с. 137). Вряд ли в изначальных эпитетах лирического «я» следует искать метафорическую образность – на наш взгляд, определения очень точны, конкретны и репрезентативны. Лирический субъект (*alter ego* автора) действительно *испуган* болью, которая живет в его сердце, и приговором, который вынесли ему медики. Он – *возлюбленный*, и в этом эпитете две слагаемые: с одной стороны, он любит, с другой – любят его (как известно, в этот период Бродский был страстно влюблен в студентку филфака Ленинградского государственного университета Ольгу Бродович, делал ей предложение). И он *нищий* – вполне честная констатация не только материального, но и социального положения героя (и автора той поры).

На фоне самохарактеристики первых двух строк через противительный союз *но* в катрен вводится жизнеутверждающий мотив-размышление героя:

«...но с каждым днём я прожитым дышу
уверенней и сладостней и чище» (Бродский, 1998, с. 137).

Отдельные исследователи увидели в этих строках некую *характерную*, как им показалось, черту И. Бродского – «предпочтение прошлому» (Кормилов, 2021, с. 121) – «я прожитым дышу». Однако, на наш взгляд, у поэта речь об ином: лирический герой не живет прошлым, а радуется тому, что у него *есть* прошлое, что ему удалось прожить/пережить это *прошлое*. Оттого его самоощущение «дышу уверенней и сладостней и чище» исполнено оптимистических ноток, пронизано надеждой.

Обратим внимание на пунктуационное оформление строки «уверенней и сладостней и чище» – она лишена запятой. Перечислительный ряд, маркированный запятыми, свидетельствовал бы о равнозначности эпитетов – уверенно, сладостно, чище. Отсутствие пунктуационных знаков побуждает увидеть однородные члены, соединенные попарно союзом *и*: уверенно и – сладостней и чище. Лирический герой признается в той уверенности, которая постепенно утверждается в нем. Уверенность в возможности еще *пожить*, не умереть, жить дальше. И от этого лирический герой испытывает *сладость*. Его взгляд на мир становится *чище*.

NB. Примечательно, что подобную пунктуационную минус-маркировку использовал М. Лермонтов, в чьем творчестве наиболее выразительно звучат мотивы смерти (и одиночества). Напомним: «И скучно и грустно...». Отсутствие запятой при «однородных» членах эксплицирует их неоднородность.

Уверенность в еще не сочных днях позволяет лирическому герою почувствовать себя *широко* («Как широко на набережных мне...»), он свободно и *широко* воспринимает водный простор реки и ее просторных набережных. За строками стихов вырисовывается картина течения Невы, любимых поэтом гранитных набережных в районе Литейного, Троицкого (тогда Кировского) и Дворцового мостов. Не «великая» по своим масштабам Нева видится герою Бродского широкой и *вечной* («и вечно»).

Как и в первом катрене, во втором вновь появляются однородные эпитеты без пунктуационных знаков – «как холодно и ветрено и вечно» (Бродский, 1998, с. 137). Отсутствие запятой вновь становится способом акцентуации смысла, особой сгруппированности означающих определений. Теперь *холодно* и *ветрено* объединяются в один осложненный член (семантически природный, погодный, климатический), третье определение – *вечно* – выдвигается в сильную позицию конца строки, с тем чтобы на фоне бытового и житейского (пейзажного) выделить *вечное*. Вечную реку, вечный город, вечную жизнь – с ним или без него.

Зоркость лирического субъекта возрастает: рядом с бытовым оказывается бытийное, рядом с временным оказывается вневременное. Угроза смерти, нависшая над автором стихотворения, оформившаяся не только в привычной боли, но и в пугающем диагнозе, заставляет лирического персонажа воспринимать мир диалектически и философично: дискретно и целостно, предметно и абстрактно, через свое и всеобщее.

Объективно пейзажное переходит в субъективно личностное:

«...как облака, блестящие в окне,
надломлены, легки и быстротечны» (Бродский, 1998, с. 137).

Образ облаков, отражающихся в окнах домов на набережной, перерастает пределы природной картины, но продуцирует параллель к судьбе лирического субъекта.

В данном случае запятая берет на себя функцию смысловыделения – признак надломленности выводится на первый план. Герой «надломлен», подобно облакам, отражения которых «обломлены», «отрезаны» рамой окон. В тексте эксплицируется не только визуальный образ, но и аллюзия к устойчивому обороту «сломанная судьба», «надломленная жизнь» (как видно, психологически приговор врачей был суровым).

Одновременно лирический персонаж, как и облака, ощущает легкость и быстротечность («легки и быстротечны»). Причем последнее определение – *быстротечны* – вбирает в себя не столько представление о скорости летящих по небу облаков, сколько отзвук затекстового фразеологического оборота о быстротечности жизни.

Само сравнение: человек // облако, легкое и быстротечное – добавляет трагический акцент в мировосприятие субъекта, обостряет его. Координата заоблачных небес указывает на вектор переживаемой (ожидаемой) судьбы лирического героя.

Третий катрен, как правило, вызывает разночтения среди критиков:

«И осенью и летом не умру,
не всколыхнётся зимняя простынка,

взгляни, любовь, как в розовом углу
горит меж мной и жизнью паутинка» (Бродский, 1998, с. 137).

Так, С. И. Кормилов (2021) принимает уверенность героя о том, что тот не умрет осенью или летом, но «зимняя простынка» воспринимается им как «небольшой сугроб, что мог бы образоваться снегом, который насыпался бы на могилу» (с. 121). То есть, согласно московскому исследователю, герой должен умереть зимой (вероятно, здесь имплицитно высветилось знание о реальной дате смерти И. Бродского). Между тем, на наш взгляд, речь у Бродского о другом. Его лирический герой, обретший уверенность в продолжении жизни («уверенней и сладостней и чище»), наоборот, говорит о том, что он не умрет ни осенью, ни летом, ни зимой (т. е. не нужно будет ради копания могилы «всколыхивать» «зимнюю простынку», покрывающую замерзшую землю, ее «зимнее покрывало»). Лирический субъект надеется на продолжение жизни, потому «в розовом углу горит меж [ним] и жизнью паутинка».

NB. В своем звучании строка «И осенью и летом не умру» порождает ощутимую аллюзию к пушкинскому «Весь я не умру...», поддерживая представление героя о надежде на продолжение жизни, которую пестует в себе лирический герой. Другое дело, что видимой аллюзии к теме поэта и поэзии, которую разрабатывал Пушкин, у Бродского нет. Пушкин писал о духовной жизни, героя Бродского (пока) тревожит жизнь реальная, земная, биологическая.

«Темные места» стихотворения И. Бродского

Что касается образа «паутинки жизни», то здесь все понятно – нить жизни тонка, но она существует. Она дает герою *тонкую* надежду на продолжение жизни и любви. Вопросы и разночтения вызывает образ «розового угла».

По мысли С. И. Кормилова (2021), действительно «связь с жизнью тонка, словно паутинка в углу комнаты», а «розовый» – символ молодости и свежести, поддерживаемый пока еще счастливой любовью» (с. 121). Соседство слов *паутина* и *угол* порождает у ученого представление об угле *комнаты*, *розовый* угол (например, по аналогии с «красным углом») становится как будто бы частью квартирного пространства. Между тем подобная трактовка вызывает сомнение.

Трудно проверить точность ассоциации лирического героя И. Бродского, однако, с нашей точки зрения, речь не идет о «розовом угле» в прямом смысле, тем более об «угле комнаты». В нашем представлении, имеется в виду кровеносная система человеческого организма (этот образ будет поддержан и следующим катреном). Именно в визуальном абрисе кровеносной системы сердце человека действительно (= образно, метафорически) оказывается в углу (груди, а не комнаты), колористически порождая представление о сгустке розового, «розовом угле» человеческого тела. Красный цвет крови – «красный угол» – вызвал бы искаженные ассоциации, потому у Бродского угол образно и мотивированно превращается в розовый, словно бы сотканный из множества тонких сосудов, порождающих образ розового узла, сгущения.

Если принять такое видение текста И. Бродского (1998), то следующий катрен действительно подхватывает и развивает этот образ:

«И что-то, как раздавленный паук,
во мне бежит и странно угасает.
Но выдохи мои и взмахи рук
меж временем и мною повисают» (с. 137).

Образ «раздавленного паука» не затрагивался исследователями. Однако если принять, что многообраз И. Бродского связан с кровеносной системой человека, а по сосудам бежит кровь (или = жизнь), то раздавленной (после медицинского приговора и неутраченной сердечной боли) оказывается именно жизнь. Заметим, буква *ж* зрительно напоминает паука (или жука), так что ассоциация Бродского реализуется в образно развернутой метафоре, захватывающей два катрена. Выдох и взмах рук – естественные реакции человека на сердечную боль (например, желание схватиться за сердце, словно бы придержать его).

Между тем, как вариант, образ «раздавленного паука» может быть и метафорой страха, который растекается по жилам персонажа в ожидании пугающей смерти. Однако глагол «угасает» обыкновенно стилистически связывается с выражением «жизнь угасает», а не «страх угасает». То есть подобная интерпретация вторична, хотя на backgrounde может присутствовать и она.

Категория времени в стихотворном тексте

Применительно к поэзии И. Бродского (1998) исследователи часто говорят о категории времени, о его принципиальной значимости. В стихотворении «Бессмертия у смерти не прошу...» раскрываются истоки этой структурно-семантической категории:

«Да. Времени – о собственной судьбе
кричу всё громче голосом печальным.
Да. Говорю о времени себе,
но время мне отвечает молчаньем» (с. 137).

На рубеже жизни и смерти у лирического героя естественным образом возникают мысли о времени – с одной стороны, о времени, отведенном ему в жизни, с другой – о Времени-господине, Времени-повелителе. Значимость времени (Времени) акцентируется архаической формой глагола «отвечает» («отвечает

молчаньем»). Потому персонаж обращается с вопросами к времени («о собственной судьбе»), оттого рассказывает времени о себе. Возникает диалогическая пара: время и я, время и лирический субъект. Последний оказывается в окружении категориальных понятий *жизнь // смерть // время*.

Строфическое членение стихотворения

Все стихотворение «Бессмертия у смерти не прошу...» состоит из 7 катренов. В первых двух четверостишиях возникает образ лирического героя, «испуганного, возлюбленного и нищего», «надломленного» мыслью о возможности скорой смерти. Лирический субъект здесь подчеркнута реалистичен и объективен – он бродит по городу, наблюдает городской пейзаж, испытывает холод и ветер.

Третья, четвертая и пятая строфы – реализованная метафора, где личностность и субъектность персонажа словно бы исчезают, посредством мысли, глубинных размышлений он предстает некоей абстракцией (почти схемой, сосудистой системой на школьном плакате), оказывающейся перед судом столь же абстрактного, но отчасти и антропоморфного времени. Здесь герой заменен мыслью, личность – рассуждением о ней и ее судьбе.

Шестой и седьмой катрены вновь возвращают в текст образ лирического героя – субъекта, жителя современного города, который, уйдя от абстракций, снова обретает абрис и голос героя-современника. Формы повелительного наклонения («лети», «свисти», «пусть молчит»), повторы («слетай, слетай»), обращение («мой Петербург»), усиленное формой притяжательного местоимения, восклицательные предложения («Свисти, река!») создают ощущение живого голоса персонажа, порождают почти звуки, звучание голоса героя:

«Лети в окне и вздрагивай в огне,
слетай, слетай на фитилёчек жадный.
Свисти, река! Звони, звони по мне,
мой Петербург, мой колокол пожарный» (Бродский, 1998, с. 137).

В условно третьей части стихотворения доминирует не «надлом» (как в первой части), не сомнение и вопрос (как во второй), но торжество приятия жизни. И смерти.

Образы огня и фитилка, контурирующиеся в первой и второй строках, рожают узнаваемо трагический образ-символ *свечи* – человеческой жизни, ее горения и угасания. Жадный фитилек манит к себе бабочку-душу, улетающую в окно или, вздрагивая, сгорающую на огне (осколок фразеологизма «душа горит»). Строка «Звони, звони по мне... мой колокол...» реставрирует напоминание о романе Э. Хемингуэя и обращает к стихам Дж. Донна. Свист реки, звуки труб проплывающих по реке буксиров и катеров – знак проходящего (уплывающего) времени (напомним о раннем стихотворении И. Бродского «Баллада о маленьком буксире»). И все вместе – река и время (ср. «Река времен» Г. Державина), волна и текучесть, время и вечность – мысли-наблюдения о жизни и смерти, о приятии последней. Приятие *смерти* на фоне отведенных до нее лет или дней *жизни*.

В подобном настроении (мирочувствовании) И. Бродский оказывается близок петербуржцу А. Блоку (1996):

«Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!
<...>
За мученья, за гибель – я знаю –
Все равно: принимаю тебя!» (с. 179).

Лирический герой Бродского принимает жизнь – и смерть – тоже активно. Не как страшную неизбежность, а как неоценимый дар, дающий представление о диалектике человеческого (вселенского) бытия.

Потому заключительные строки стихотворения «Бессмертия у смерти не прошу...» звучат не просьбой о бессмертии (с чего и начинал поэт), а пушкинской верой в продолжение жизни «племенем младым, незнакомым»:

«Пусть время обо мне молчит.
Пускай легко рыдает ветер резкий
и над моей могилой еврейской
младая жизнь настойчиво кричит» (Бродский, 1998, с. 137).

В стихотворении «Бессмертия у смерти не прошу...» И. Бродский еще не достиг взаимопонимания со временем – «время обо мне *молчит*...». Процесс сближения *я* и *времени* произойдет позднее. Пока же единственной утешительной мыслью поэта (лирического героя) остается «младая жизнь», продолжающая «кричать» и после его ухода.

Интертекстуальные аллюзии стихотворения

Как было сказано выше, поэт, кажется, не затрагивает тему творчества, по крайней мере, не обращается к ней впрямую. Между тем в тексте И. Бродского угадывается (по сути – прочитывается) отчетливая интертекстуальная аллюзия: апелляция к стихотворению А. Пушкина (1977) «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829 г.):

«Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам» (с. 75).

Герой Пушкина осмысляет близость последнего часа («И чей-нибудь уж близок час...»), осознает, что «дуб уединенный» переживет его «век забвенный», пытается угадать «грядущей смерти годовщину».

Лирический герой Бродского перенимает модель поведения пушкинского персонажа – его герой тоже бродит «вдоль улиц шумных» и тоже «предается» мыслям о смерти. К тому же в том же «моем Петербурге» (не Ленинграде).

Последняя же строфа стихотворения И. Бродского уже явно указывает на пушкинский претекст. В «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» звучит:

«И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять» (Пушкин, 1977, с. 75).

«Младая жизнь» в тексте Бродского («младая жизнь настойчиво кричит») обнаруживает свой праисток, указывая на связь с Пушкиным и даже подчеркивая, акцентируя эту связь (в т. ч. архаичной формой прилагательного *младая*). Аллюзия к Пушкину заставляет понять, что, казалось бы, юный лирический субъект, еще, кажется, не осознающий себя Поэтом, на самом деле все-таки мерит себя «по Пушкину». Не прямо, но скрыто, потаенно позволяя себе тоже называться поэтом.

Ориентируясь (вольно и/или невольно) на русскую литературу, на А. Пушкина или А. Блока, между тем И. Бродский (1998) не ищет бессмертия в творчестве. Даже два года спустя (1963 г.) он все еще скажет:

«Мои слова, я думаю, умрут,
и время улыбнется, торжествуя,
сопроводив мой *безотрадный труд*
в соседнюю природу неживую» (с. 267).

Казалось бы, права Л. А. Колобаева (2014), когда пишет, что в своих поэтических «автопортретах» И. Бродский, избегая «какой-либо тени нескромности», «не касается мотива творчества» (с. 140). Кажется, можно довериться А. М. Ранчину (2016) в том, что у Бродского «текст нигде не утверждает связь бессмертия и стихотворства» (с. 150-169). Однако «подстрочник» Пушкина в стихотворении «Бессмертия у смерти не прошу...» свидетельствует об обратном – ранний Бродский (уже) мерил свою жизнь (и смерть) по Пушкину, в том числе по пушкинским «мечтам» о предназначении поэта и поэзии (напомним об аллюзии на «Весь я не умру...»).

Заключение

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать, что постановка диагноза «порок сердца» сыграла исходную и фундаментальную роль в формировании философского потенциала поэтических творений И. Бродского. Уже в одном из самых ранних стихотворений «Бессмертия у смерти не прошу...», скорее всего созданном на рубеже 1960 и 1961 годов, в тексте актуализируются категории жизни и смерти, времени и вечности, бессмертия физического и метафизического, причем не абстрактно измышленных и рационально сформулированных, а *сердечно* пережитых и пережитых.

Поэтические категории жизни/смерти, времени/вечности с этого момента обрели в стихах Бродского собственную плоть, телесность и почти физическую реальность – собственную жизнь. Потому в более поздних стихах они обнаруживали естественную органичность поэтического текста Бродского, обрели имманентность мысли и чувствования поэта. Философия *времени* (Лосев, 2008), категория «*жизнь после...*» (Полухина, 2006), «более или менее подлинная *метафизика*» (Волков, 1992) стихотворного текста Бродского опирались на живую эмпирику его реальной жизни.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении как самого текста малоизученного стихотворения И. Бродского, так и в акцентуации важных слагаемых его поэтологии, в частности – в обращении к вопросу жанровой интерференции, совмещения дискурсов лирического и эпического, реального и метафизического. Обращение к разнообразным ракурсам стихотворения «Бессмертия у смерти не прошу...» позволит расширить представление о творческой одаренности талантливого поэта, нобелевского лауреата Иосифа Бродского.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01671, <https://rscf.ru/project/22-28-01671/>; Русская христианская гуманитарная академия.

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01671, <https://rscf.ru/project/22-28-01671/>; the Russian Christian Academy for the Humanities.

Источники | References

1. Богданова О. В., Власова Е. А. Поэтические миры Иосифа Бродского. СПб.: Алетейя, 2022.
2. Волков С. Воспомявая Анну Ахматову. Разговор с Иосифом Бродским // Ахматовские чтения. М.: Наследие, 1992. Вып. 3. Свою меж вас еще оставив тень...

3. Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: о судьбе Иосифа Бродского. М.: Время, 2010.
4. Колобаева Л. А. И. А. Бродский: анализ поэтического текста. М.: Русский импульс, 2014.
5. Кормилов С. И. Ахматова и ахматовское в стихах Иосифа Бродского 1962 года о смерти и вечности // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34).
6. Куллэ В. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957-1972): дисс. ... к. филол. н. М., 1996.
7. Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008.
8. Милойкович М. Иосиф Бродский: модальность как прием // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 3.
9. Плеханова И. И. Преображение трагического: метафизическая мистерия Иосифа Бродского: дисс. ... д. филол. н. Иркутск, 2002.
10. Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. СПб.: Звезда, 2008.
11. Ранчин А. Этюд о двух городах: Петербург и Венеция в поэзии Иосифа Бродского // Новый мир. 2016. № 5.
12. Рейн Е. Мой лучший адресат. М.: Новости, 2005.
13. Степанов А. Г. Что слышит поэт? Бродский и поэтика переключек. М.: ЯСК, 2022.

Информация об авторах | Author information

RU**Богданова Ольга Владимировна¹**, д. филол. н., проф.**Баранова Татьяна Николаевна²**^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург**EN****Bogdanova Olga Vladimirovna¹**, Dr**Baranova Tatiana Nikolaevna²**^{1,2} A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg¹olgabogdanova03@mail.ru, ² bysinka27@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.01.2023; опубликовано (published): 28.02.2023.

Ключевые слова (keywords): И. Бродский; стихотворение «Бессмертия у смерти не прошу...»; физическое и поэтическое; сквозные мотивы смерти, бессмертия, времени; J. Brodsky; poem “I Do Not Ask for Immortality from Death...”; physical and poetic; cross-cutting motifs of death, immortality, time.